

УДК 343.24

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.169176

ПРИМЕНЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРЕСТУПНИКОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОЦЕССА ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ*

Корсаков Константин Викторович,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
Уральский государственный юридический университет,
доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Аннотация

Материал посвящен современным проблемам гуманизации, либерализации и обновления пенитенциарной практики за счет внедрения альтернативных изоляции от общества и другим репрессивным санкциям мер, способов и средств воспитательно-предупредительного воздействия на нарушителей уголовно-правовых запретов. Наиболее подробно в статье описан положительный опыт применения таких прогрессивных подходов, как модель восстановительного правосудия, система пробации, передача под надзор специальных органов, методы психокоррекции, которые могут быть использованы в России.

Ключевые понятия:

гуманизация пенитенциарной сферы, альтернативы наказанию в виде лишения свободы, борьба с преступностью, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная практика, исправление и перевоспитание осужденных.

В современном научном пенологическом дискурсе все часто звучат идеи и сентенции о необходимости гуманизации и либерализации проводящихся

*Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Повышение эффективности системы и видов уголовных наказаний и разработка новых альтернативных мер исправления и перевоспитания преступников в современной России» № 18-011-00244.

в настоящее время криминологической и уголовной политики, перевода последних с репрессивно-карательных рельс на путь последовательной и вдумчивой исправительно-профилактической деятельности с опорой на учет персональных, индивидуальных особенностей осужденных. Стремясь насытить ныне действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство персоноцентристскими интенциями и ориентирами, современные пенологии и правоведы небезосновательно призывают усилить область частной превенции, нацелится на личность правонарушителя и следовать широко известной юридической максиме «не всем одно и то же, а каждому свое, ибо для неравных равное стало бы неравным» [1]. Предпринимаются решительные попытки сузить спектр применения наказания в виде лишения свободы, так как именно этот вид уголовного наказания в наибольшей степени «уравнивает» осужденных преступников, превращая их в безликую, подавляющую индивидуальность и личностные качества, «заклейменную» посредством правового института судимости однородную массу – «тюремный спецконтингент» (обозначаемый в юридических документах Союза ССР с 1920-ых по 1950-е годы кратко – сочетанием букв «зэ» и «ка»), и существенно затрудняет и без того сложный и трудоемкий процесс индивидуальной исправительно-воспитательной работы с осужденными – коррекции их сознания и поведения.

Лишение свободы, первоначально применявшееся в виде заточения в келью, ссылки в монастырь, схизмы, пришедшее в эпоху Реформации на смену распространенной практике смертной казни и членовредительских жестоких наказаний [6], мыслилось и воспринималось как наиболее прогрессивное, справедливое и гуманное наказание, о чем в своих трактатах писали Чезаре Беккариа, Джон Говард, Иеремия Бентам, Уильям Блекстоун, Ансельм Фейербах, Франческо Каррара, Эдвард Ливингстон и другие реформаторы пенитенциарной сферы [2; 3]. Однако уже в XIX столетии оно начало оцениваться критически и объявляться неспособным достичь целей подлинного исправления, перевоспитания и ресоциализации правонарушителей, а равно считаться далекой от идеалов гуманизма формой обращения с делинквентами, особенно совершившими преступления небольшой и средней тяжести, в первый раз либо по неосторожности.

В настоящее время приверженцев нарастающего гуманно-прогрессивного течения в данном вопросе поддерживает большое число ярких представителей утилитарной (прагматической) пенологической концепции, которые указывают на большую затратность, невыгодность и неэкономичность лишения свободы как средства обращения с осужденными, и предлагают заменить его различными формами принудительного труда во благо общества. Их диапазон варьируется от общественных (обязательных) работ по уборке и благоустройству жилой инфраструктуры и условного осуждения с обязательным привлечением к труду до бесплатных работ на объектах с вредным воздействием на здоровье человека (наподобие работ, производимых советскими заключенными с 1937 по 1956 гг. без каких-либо защитных средств на урановых и оловянных рудниках в исправительно-трудовом лагере «Бутугычаг» в Магаданской области РСФСР).

Данные инициативы повсеместно приводят к улучшающим положение осужденных изменениям уголовно-правовых кодификаций – изменениям

в пользу альтернативных лишению свободы мер уголовной ответственности. Таковые наблюдаются не только в развитых, но и в развивающихся странах мира. Так, например, в Республике Колумбия законодательные новеллы позволили колумбийским судам выносить обвинительные приговоры, заключающие альтернативные изоляции от социума меры в виде выполнения общественно полезных работ или же участия в специальных образовательных программах, основная цель которых – снижение тюремного контингента и нагрузки на пенитенциарную систему [7].

Государства Западной Европы сегодня лидируют в отношении интенсивности и частоты использования альтернатив лишению свободы. В них широко и активно применяются композиции, пробация, отсрочка исполнения лишения свободы, краткосрочное лишение свободы (арест) сроком до двух месяцев, общественно полезные (обязательные) работы (оказание бесплатных услуг населению), передача преступника под надзор специальных органов либо трудовых или соседских коллективов, конфискация приобретенного незаконным путем, общественное порицание и помещение под домашний арест. Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Голландия занимают лидерские позиции в рейтингах государств мира с самым низким уровнем преступности на душу населения [9], что подтверждает тезис криминологов-аболиционистов, добивающихся отмены смертной казни и долгосрочного лишения свободы, о том, что суровость и жестокость уголовного наказания не приводят к снижению объема и тяжести преступности.

В странах Западной Европы, Северной Америки, в Австралии, Новой Зеландии сегодня применяются различные модели и программы восстановительного правосудия – относительно нового, перспективного подхода, направленного на ликвидацию отрицательных последствий преступного деяния самими сторонами конфликта. Одним из наиболее известных разработчиков и пропагандистов данного подхода в наши дни является американский социолог и криминолог Хельмут Зер.

Традицию восстановительного правосудия в пенологии вполне можно охарактеризовать как нарастающее движение за гуманность и человечность в правосудии по уголовным делам, которое стремится не низвергнуть, подменить или же заслонить собою традиционную систему уголовной юстиции, а дополнить и усовершенствовать ее, помогая в решении сложных проблем ресоциализации правонарушителей, заглаживания нанесенного ими вреда и иных последствий преступного акта, помощи жертвам.

Наиболее распространенными моделями восстановительного правосудия в современном мире являются семейные конференции, впервые появившиеся в Новой Зеландии, в которой они закреплены на законодательном уровне и основываются на правовых обычаях маори – автохтонного населения этой страны. В отличие от Российской Федерации, где в ряде субъектах предпринимались попытки внедрения моделей восстановительного правосудия, в других государствах они уже давно прошли стадию апробации, экспериментальных, пилотных и общественных инициативных проектов, и официально закреплены в нормативных правовых актах, исходящих от высших legislatures.

Во многих государствах мира, в числе которых, в частности, находится Республика Казахстан, уголовное законодательство содержит категорию

уголовного проступка – уголовно-правового института, нацеленного на гуманизацию уголовно-правовой сферы и преодоление негативных эффектов и проблем, порождаемых судимостью (синдром «стигматизации», трудности в трудоустройстве и т. д.). Идея инкорпорации категории уголовного проступка в отечественное законодательство начала обсуждаться и обосновываться около двадцати лет назад (о ней одним из первых на страницах журнала «Советская юстиция» в 1988 году писал профессор А. В. Наумов). Но только в 2016 году в УК РФ появилась предрасполагающая к введению уголовного проступка Глава 15.2, статьи которой позволяют судам налагать судебные штрафы без привлечения виновного лица к уголовной ответственности, а Верховный Суд Российской Федерации выступил с инициативой закрепления уголовного проступка в тексте российской уголовной кодификации, данный институт по-прежнему не введен и не действует в России.

В странах Западной Европы отказ от уголовного преследования за незначительные правонарушения, формально попадающие под определение преступления, но не представляющие большой общественной опасности, произошел еще в начале 90-х годов прошлого века. Так в ФРГ Закон об облегчении процесса отправления правосудия 1992 года конкретизировал основания и значительно расширил область применения отказа от уголовного преследования, который стал рассматриваться как исключение из принципа законности в отношении незначительных уголовно наказуемых деликтов.

Мощным толчком в деле разработки новых, гуманных видов и форм воздействия на преступников, альтернативных изоляции от общества, стало принятие Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил) от 14 декабря 1990 года, статья 2.4 которых говорит о том, что «следует поощрять разработку новых мер, не связанных с тюремным заключением, и внимательно следить за этим процессом, а также систематически оценивать практику их применения».

Идеологической основой данной разработки являются руководящие идеи о необходимости и приоритете достижения в пенитенциарной деятельности трех «Р»: реабилитации, ресоциализации и реинтеграции правонарушителей [4]. В выборе средств, форм и методов достижения этих задач в условиях, не связанных с принудительным содержанием в местах заключения, органы юстиции зарубежных стран получают все больше свободы, а о расширении методологического спектра говорят не только их ученые-правоведы и пенологи, но общественные деятели и политики, давно отошедшие от популистских лозунгов середины XX столетия предпринять безжалостный «крестовый поход» на преступность и разом покончить с этой вековой человеческой проблемой [5].

В странах англо-саксонской правовой семьи на практике уже долгое время успешно и плодотворно применяется система пробации, принципиальное отличие которой от института условного осуждения либо отсрочки отбывания наказания, имеющихся в уголовном праве России, заключается в том, что орган правосудия не определяет виновному фиксированный срок заключения своим приговором, а откладывает приговор суда на срок действия пробации, формулируя определенные обязательства для осужден-

ного судебным приказом о пробации. Вынесение приговора влечет лишь несоблюдение последних признанным виновным. Как правило, пробация применяется за преступления небольшой и средней тяжести, совершенные лицами, которые не представляют большой опасности, а ее применение, как показывает статистика, не влечет рецидива преступлений [10]. Ее логика и составляющие направлены на повышение социального контроля за делинквентом, который в большинстве случаев помещается под контроль сотрудников служб пробации либо других специально уполномоченных на то субъектов, которые следят за поведением преступника. Общение и контакты с такими специализированными субъектами частной превенции составляют ядро механизма пробации.

Успешные результаты применения системы пробации привели к дополнительному финансированию, расширению штатов и укреплению инфраструктуры служб пробации (в особенности в экономически развитых США, Канаде, Великобритании, Австралии), увеличению количества судебных приказов о пробации до 25% от всех судебных решений по уголовным делам. Пробация стала определяться как альтернативный лишению свободы гуманный и прогрессивный вид наказания, форма индивидуального предупреждения преступного поведения и как один из путей социализации, общественной адаптации и реабилитации преступников, направление социальной помощи в преодолении криминогенных общественно-коммуникативных, эмоционально-психологических и внутриличностных проблем, возникающих в процессе социального общения и взаимодействия. К настоящему времени перечни условий и кондиций, предъявляемых к преступникам, помещенным в режим пробации, значительно пополнились, стали более вариативными и гибкими: они включают как меры наблюдения и поддерживающей коррекции, так и довольно жесткие императивы, ограничивающие свободу выбора, труда, передвижения, время досуга, а также возможности распоряжения личными денежными средствами.

В число средств и методов работы, используемых в рамках механизмов пробации, входят предписываемые органами юстиции для прохождения правонарушителями психологические тренинги и курсы психокоррекции. Этот позитивный зарубежный опыт был апробирован в рамках инициативного пилотного проекта «Контроль гнева» на территории Свердловской области, осуществляемого авторитетной некоммерческой организацией «Фонд борьбы с организованной преступностью» под руководством ее вице-президента С.М. Мочалина и под эгидой ГУ ФСИН по Свердловской области. Данный проект, направленный в основном на лиц, совершивших насильственные преступления в семье и в быту и находящихся под следствием, дал очень хорошие результаты и позволил внести предложение в порядке *de lege ferenda* – предусмотреть условия по прохождению таких тренингов обвиняемыми в качестве обязательных и подлежащих ответственному учету в досудебные процедуры деятельного раскаяния и примирения с потерпевшими (ст. 75 и 76 УК РФ) по делам о насильственных преступлениях против личности, относящихся к категориям небольшой и средней тяжести (ст. 112, 115, 116, 116.1 УК РФ). Итоги подобных экспериментальных проектов демонстрируют, что система

пробации, адаптированная к российским социально-экономическим условиям и сложившимся правовым традициям, может успешно применяться и в России.

Схожим с пробацией институтом (применяющимся, как правило, когда установленный в санкции статьи срок лишения свободы не превышает двух лет) является отсроченное лишение свободы. В Германии, Италии, Финляндии и других европейских государствах суды вправе определить для подсудимого конкретный срок уголовного наказания в виде лишения свободы, но отложить исполнение этого наказания на определенный испытательный срок. На выбор такого варианта судебного решения помимо тяжести и характера содеянного влияют как личностные характеристики виновного, так и наличие каких-либо смягчающих вину обстоятельств.

В отличие от пробации и известного российскому законодательству условного осуждения отсроченное лишение свободы не предполагает возложения обязательств, условий или ограничений на осужденного, как то: соблюдение требований и инструкций надзорной службы пробации или предписаний, касающихся его поведения и образа жизни: от него лишь требуется не совершать повторных нарушений закона. Повторное преступление любого характера и степени тяжести со стороны осужденного, совершенное им в течение испытательного срока, влечет автоматическую отмену отсрочки и исполнение наказания в виде лишения свободы на срок, который был определен первоначально.

Особого внимания заслуживает и такая симбиотическая форма как постановление условной определенной части судебного приговора к изоляции от общества, практикуемая, в частности, в Нидерландах и Люксембурге [7]. Законодательное закрепление частично условных уголовных наказаний в виде лишения свободы предоставило судебным органам возможность использовать отсроченное лишение свободы в случаях, когда преступник был заключен под стражу и находился в следственном изоляторе до суда довольно продолжительное время, а равно возможность приговорить правонарушителя к краткосрочной изоляции от социума – аресту – и установить на следующий за ним временной период отложенное лишение свободы с испытательным сроком. Такие лабильные и гибкие подходы, позволяющие повлиять на сознание и поведение преступников без длительного содержания в местах лишения свободы, следовало бы, на наш взгляд, использовать и в отечественной уголовно-исполнительной практике.

Во многих странах мира эффективно используется такая альтернативная лишению свободы практика, как домашний арест, который в Российской Федерации в настоящее время применяется только как избираемая судом мера пресечения. Этот вид наказания предполагает не только временное ограничение передвижений осужденного пространством его жилища, но и регулярные контакты последнего с работниками надзорных служб, которые обладают правом проверять состояние осужденного, включая его тестирование на употребление спиртного, психотропных веществ и наркотических средств.

К настоящему времени помещение осужденных под домашний арест получило в США, Канаде и Великобритании повсеместное распространение,

поскольку было признано криминологами этих стран достойным субститутутом лишению свободы и демократичным, гуманным методом исправления, который обеспечивает коррекцию поведения и взглядов без стресса пребывания в тюрьме и характерного для последнего синдрома «призонизации».

По нашему мнению, российские правоприменители, накопившие достаточный опыт исполнения меры пресечения в форме домашнего ареста, методически и организационно вполне готовы к обеспечению исполнения домашнего ареста в качестве альтернативы обычному аресту как вида уголовного наказания, а потому вопрос о его закреплении в ст. 44 УК РФ «Виды наказаний» может быть решен положительно в самой ближайшей перспективе.

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. М., 1979. С. 28.
2. Будзинский С.М. Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 71.
3. Корсаков К.В., Жилко И.А. Пенитенциарный труд в следственных изоляторах. Екатеринбург, 2013. С. 80.
4. Корсаков К.В. Адекватность и соразмерность превенции – залог эффективности борьбы с современной организованной преступностью // Правоохранительные органы: теория и практика. 2015. № 1. С. 20.
5. Корсаков К.В. Принцип равновозмездности в феномене уголовного наказания // Государство и право. 2015. № 6. С. 94.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 53.
7. Штрайт Й. Дело не только в наказании. М., 1978. С. 69.
8. Currie E. Crime and Punishment in America. New York, 2013. P. 54–55.
9. Hopt K., Steffek F. Mediation. Rechtstatsachen, rechtsvergleich, regelungen. Tübingen, 2008. P. 19.
10. Ten C. Crime, Guilt and Punishment. Oxford, 2003. P. 104.

References

1. Andenes I. Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenij. M., 1979. S. 28.
2. Budzinskij S.M. Nachala ugolovno go prava. Varshava, 1870. S. 71.
3. Korsakov K. V., Zhilko I. A. Penitenciarnyj trud v sledstvennyx izolyatorax. Ekaterinburg, 2013. S. 80.
4. Korsakov K. V. Adekvatnost' i sorazmernost' prevencii – zalog e'ffektivnosti bor'by s sovremennoj organizovannoj prestupnost'yu // Pravooxranitel'nye organy: teoriya i praktika. 2015. № 1. S. 20.
5. Korsakov K. V. Princip ravnovozmezdnosti v fenomene ugolovno go nakazaniya // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 6. S. 94.
6. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M., 1999. S. 53.
7. Shtrajt J. Delo ne tol'ko v nakazanii. M., 1978. S. 69.
8. Currie E. Crime and Punishment in America. New York, 2013. P. 54–55.
9. Hopt K., Steffek F. Mediation. Rechtstatsachen, rechtsvergleich, regelungen. Tübingen, 2008. P. 19.
10. Ten C. Crime, Guilt and Punishment. Oxford, 2003. P. 104.

UDC 343.24

DOI 10.17506/dipi.2018.31.2.169176

APPLICATION OF ALTERNATIVES TO DEPRIVATION OF LIBERTY CORRECTION OF CRIMINALS AS PART OF THE PROCESS OF HUMANIZATION OF PENAL PRACTICE

Korsakov Konstantin Viktorovich,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher,
Ural State Law University,
Associate Professor of the Department of Criminal law,
PhD, Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: korsakovekb@yandex.ru

Annotation

The material is devoted to the modern problems of humanization, liberalization and renewal of penitentiary practice through the introduction of alternative isolation from society and other repressive sanctions measures, methods and means of educational and preventive effects on violators of criminal law prohibitions. The article describes in the most detail the positive experience of such progressive approaches as the model of restorative justice, probation system, transfer under the supervision of special bodies, methods of psychocorrection, which can be used in Russia.

Key concepts:

humanization of the penitentiary sphere, alternatives to punishment in the form of deprivation of liberty, combating crime, the penitentiary system, penal practice, correction and re-education of convicts.